

РАСПУТИН

Мужик в царском доме

Корона Российской империи

Илиодор

**Мужик в царском доме. Записки
о Григории Распутине (сборник)**

«Алисторус»

2012

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Илиодор

Мужик в царском доме. Записки о Григории Распутине (сборник) / Илиодор — «Алисторус», 2012 — (Корона Российской империи)

Григорий Распутин – самая примечательная личность в окружении последнего русского царя Николая II. О Распутине до сих пор ходит много легенд, его личность оценивается историками по-разному. В книге, представленной вашему вниманию, о Григории Распутине пишут те, кто очень хорошо знал его. Илиодор, иеромонах, помог Распутину войти в царскую семью и долгое время был дружен с ним; В. Жуковская, – чьи дневники дополняют записки Илиодора – являлась племянницей знаменитого ученого Н. Е. Жуковского, она часто гостила у Григория Распутина и пользовалась его доверием. В записях Илиодора и Жуковской читатель найдет множество интересных и уникальных подробностей о жизни самого Распутина, а также о жизни Николая II и его семьи.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

© Илиодор, 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Илиодор (Сергей Труфанов). Мужик в царском доме	6
Предисловие[1]	6
I	12
II	12
Глава I. Мое знакомство с Распутиным	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Илиодор, В. А. Жуковская
Мужик в царском доме.
Записки о Григории Распутине

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Илиодор (Сергей Труфанов). Мужик в царском доме

Предисловие¹

После убийства Распутина газеты на несколько дней получили возможность довольно ярко изобразить и личность Распутина, и его тлетворное влияние на всю окружающую среду. То, что было секретом, стало явно для всех и могло убедить даже наибольших скептиков и сомневающихся. Но тем не менее до сих пор была лишь приподнята завеса над темным царством придворного быта. Воспоминания Илиодора, или, вернее, его разоблачения, дают огромный материал и для характеристики таинственной, скорее темной личности Распутина и его влияния на придворные и правительственные круги. Недаром автор воспоминаний назвал свое описание «страшной книгой». Перед читателем пройдет в сущности безобразная картина гниения и разложения старого режима – монархии и всего ее правительственного аппарата – накануне падения. Редакция «Голоса минувшего» в последние годы тщательно собирала материалы, касающиеся распутинской эпопеи. Не потому, конечно, что ее интересовала весьма заурядная личность тюменского «старца» и «пророка» и его альковные похождения; и не потому, что чудовищный разврат, захвативший часть великосветского общества, зафиксировал собой, пожалуй, небывалую страницу истории, столь обильной вообще патологическими явлениями, – Распутин и его клеветы срослись органически со всем правительственным механизмом последнего из Романовых. Вызывает презрение и отвращение не этот грубый, сладострастный мужик, попавший волею судеб в среду пресытившегося вырождения, явившийся слепым, в конце концов, орудием дельцов и аферистов, а те царские слуги, те пресмыкающиеся рабы, которые в руках своих держали министерские портфели и своекорыстно правили Россией под эгидой распутинского покровительства. Новое правительство бесспорно найдет в потайных архивах достаточное количество документов, которые раскроют перед нами работу распутинской банды за последние годы старого режима. Обвинительный акт против романовской династии составить нетрудно, слишком явны и велики ее преступления, но в распутинском деле, как в фокусе, концентрируется та мерзость запустения, которая характеризует нам отошедший в вечность русский деспотизм. Именно оно окончательно дискредитировало и престиж власти, и династию в массовых кругах обывателя, заставило отшатнуться от монархии даже те мещанские круги, для которых сохранился все еще ореол царской власти.

Признавая с этой точки зрения за материалами, касающимися Распутина и деятельности окружавшей его придворной и банковской клики, огромное, первостепенное, общественное значение, мы считаем своим долгом уделять и впредь на страницах журнала место этим материалам.

Теперь несколько необходимых вводных слов о личности автора воспоминаний и о тех материалах, которые в них заключаются. Вероятно, читателям можно и не напоминать о том, что представлял собою Илиодор в революционные годы или, вернее, в наступившую затем полосу реакции. Всем памятны необузданные выступления илиодоровцев, творивших под покровом таинственных связей и высокого покровительства в Царицыне, Саратове и других поволжских городах самое невероятное. Руководителю погромной дружины («Меня окружают люди, у которых сапоги бутылками, а кулаки здоровые – русские», – говорил в 1909 году на одной из своих «пасторских бесед» в Саратове о. Илиодор) нельзя было в действительности отказать в бурнопламенном темпераменте: недаром и газета, которую затевали в то время или-

¹ Печатается по изданию: Бывш. иер. Илиодор (Сергей Труфанов). Святой черт (Записки о Распутине). – М.: Издание журнала «Голос минувшего», Типография Товарищества Рябушинских, 1917.

одоровцы, должна была именоваться «Гром и молния». Монах – фанатик! Разве это уж столь необычное явление? Отнюдь нет. Легко понять и силу воздействия на толпу, состоявшую всегда у Илиодора почти исключительно из женщин да небольшой группы молодцев с кулаками. Тут нет психологической загадки; она понятна для каждого, кто наблюдал различные проявления религиозного фанатизма и его гипнотирующего влияния на некультурные массы: это своего рода психическая зараза. Она знакома историкам, объяснена психологами и ярко изображена в литературе. Необычность илиодоровщины была в другом: она переходила в сферу политики и здесь, сталкиваясь с своеобразными государственными условиями, приобретала совершенно исключительный облик с бытовой стороны – илиодоровщина оказывалась как бы вне государственного воздействия, становилась недостижимой и для Синода. Тщетны поэтому были все думские запросы. Мне ни разу не пришлось видеть Илиодора, но раз удалось видеть и беседовать с еп. Гермогеном, ближайшим покровителем, единомышленником и соратником в илиодоровских подвигах. Я видел его в период опалы, когда протекло уже несколько лет после памятных активных действий. У людей отставных пыл всегда ослабляется. Но и тогда я увидел перед собой как бы воочию прежнего Никиту Пустосвята, быть может, незлобивого и добродушного к своим и готового идти под сень креста громить врагов, и громить их так, чтобы от них «остались лишь калоши», как однажды после учиненного погрома хвалился в свое время Илиодор. Был ли Илиодор фанатиком такого типа? Не знаю, конечно, но не следует забывать того, что Илиодор не был каким-нибудь изуверным, темным монахом, лишенным образования, погрязшим в предрассудках, готовым, как в Средневековье, вступать в реальную борьбу с чертями, – это был человек, окончивший С.-Петербургскую духовную академию. Такой человек, если он только нормален, едва ли мог искренно выступать против «газетных стервятников» и «гидры революции» в той именно форме, как это делал Илиодор. Линия его поведения была неизменна в течение нескольких лет, и ничто его не смущало.

В конце 1911 г. он достиг как бы апогея своего величия – в это именно время он получает впервые доступ в высшие сферы; в это именно время начинается борьба Илиодора и Гермогена против того, с обличениями кого он выступает в своей книге, – борьба, которая и низвергла Илиодора. Начиная борьбу, по-видимому, он преувеличивал силу своего влияния. По крайней мере, в августе 1911 г., отправляясь в Петербург и прощаясь со своей «дружиной храброй», он держал такую речь перед своими поклонницами: «Я еду в далекое путешествие совершать, а быть может, и закончить то великое дело, о котором я уже говорил вам несколько раз... Собирается православный конгресс православных людей со всего света. Я тоже приглашен на этот конгресс. Где будет происходить он, я не скажу. Мне предложено главное место в конгрессе, я буду председательствовать. Соберется этот конгресс для того, чтобы решить раз навсегда, как поступать с безбожниками. Конгресс выработает самые решительные меры против жидов, безбожников и русских дураков»... Через год Илиодор, по собственным словам, сбросил с себя «бремя религиозного суеверия и колдовства», стал мыслить разумно, объявил, что отдает себя под защиту оппозиции Государственной Думы, и высказывал твердую веру, как писал А. С. Пругавин в «Русских Ведомостях» 30 октября 1913 г., что у нас будут в ближайшее время осуществлены элементарные условия общественной жизни: свобода совести, свобода слова, свобода личности. Но неужели Илиодор, очарованный суеверием и «колдовством», был так наивен в 1911 г., что не понимал той плохой демагогии, которая заключала в себе приведенная выше речь к поклонникам и поклонницам перед отъездом в Петербург? Как-то этому не верится. Как бы то ни было, сжегши в Царицыне в августе 1911 г. чучело дракона, символически изображавшего революционное начало (при этом илиодоровцы, как в свое время сообщали газеты, с «диким криком и визгом» таскали чудовище вокруг монастыря, предавая его поруганию и причитая: «трепещите, окаянные, пощады вам не будет!» – по отношению к «поганой интеллигенции»), через год с небольшим Илиодор сделался провозвестником свободы совести, слова и личности. Поистине – изумительная метаморфоза! Чем она все-таки вызвана?

В своих воспоминаниях Илиодор последовательно рассказывает о своем знакомстве с «новоявленным праведником», тем «великим прозорливцем», который объявился в 1903 г. и с тех пор занимал всеобщее внимание. Восемь лет его связывало знакомство и даже дружба с ним. Готовясь к «ангельскому чину», человек, прошедший духовную академию, с чрезвычайной «наивностью» не понимал «странностей», даже и предположить «не осмеливался» грязных мыслей в «поцелуях», в «ззорных» разговорах и действиях, связанных с теорией врачевания от «блудных страстей» и изгнания беса, которую проповедовал Распутин. Все это так наивно, что не представляется правдоподобным. Мало того, когда Илиодор через покровительство друга в 1909 г. возвращен был вновь в Царицын, «праведник» стал казаться ему «ангелом», вызывавшим в то же время инстинктивно «крайнее отвращение». Два года находясь с последним в тесных отношениях, он собирает материал и начинает кампанию против Распутина с «богатырем мысли и воли», «великим и праведным человеком» епископом Гермогеном.

16 декабря кампания оказалась проигранной. С этого момента начинается изменение настроений и взглядов Илиодора, приведшее к снятию сана и к отречению от церкви. Это произошло 18 ноября 1912 года. «Иначе поступить не мог, – пишет Илиодор в своих воспоминаниях. – Налетел вихрь, сломал вал и махи мельницы ума моего, опрокинул ее самое и разбил ее. Поднялся шквал, девятый вал, изломавший мачты и паруса, в щепки обратил корабль сердца моего. Нашел ураган сильный, могучий и одним бурным движением своим обратил в жалкие развалины дом души моей. Какая-то неведомая сила как будто взяла мозги мои, кровь мою, сердце мое и дала мне новые мозги, новую кровь и новое сердце...

30 ноября 1913 г. в «Русских Ведомостях» появился фельетон А. С. Пругавина, написанный с явной симпатией к «мятежному экс-монаху». Автор говорил, правда, не столько от себя, сколько от имени знакомого толстовца, заинтересовавшегося личностью Илиодора и посетившего его в Донской области... «С своей стороны я предупредил г. Г., – писал А. С., – что лично меня больше всего интересует вопрос о искренности Илиодора вообще и в частности об его обращении из Савла в Павла, затем, что мне хотелось бы выяснить то необыкновенное влияние, какое он несомненно оказывал на народные массы и, наконец, в-третьих, может ли Илиодор при известных условиях сделаться вождем религиозного движения, если бы такое вспыхнуло в России». На г. Г. Илиодор произвел впечатление «человека глубокого религиозного чувства» и страстного темперамента. Влияние его корреспондент А. С. Пругавин объяснял, с одной стороны, «глубокой любовью, которую он питает к народу», с другой – «большой гипнотической силой». Илиодор-де сознает эту «силу» и на нее возлагает «свои надежды в преобразовании простого православного народа». «Преобразования эти он думает совершить не только в области религиозного сознания, но и в области социальной жизни»... «Мятежный монах», считавший себя в 1911 г. «непобедимым», по-видимому, зашел уже слишком далеко. Привлеченный по ст. 73, 74 и 103, он предпочел сделаться эмигрантом. Может быть, действительно началось «просветление»?

Лично у меня резкое превращение Илиодора всегда возбуждало некоторое сомнение, несмотря на авторитетный голос А. С. Пругавина, неоднократно уже выступавшего в «Русских Ведомостях» со статьями об Илиодоре после его отречения от церкви. Обстоятельства, сопровождавшие перерождение Илиодора, заставляли с большей критикой подходить к тому же неопиту русской общественности, каким выставлялся новообращенный Савл. Илиодор в своих воспоминаниях подчеркивает, что своими разоблачениями он исполняет как бы гражданский долг, – это новый подвиг, который он принял на себя, срывая «смелую рукою, рукою честною и правдивою» «ангельскую одежду» с «дьявола». Теперь достаточно выяснено по подвигам Илиодора в Америке, что он в значительной степени спекулировал, правда, не совсем удачно, на своих «сенсационных» материалах. В России свои воспоминания Илиодор продавал тогда, когда их нельзя было опубликовать, и был весьма скромнен в своих желаниях, так как продавал заглазно и мог заинтересовать покупателей лишь с идейной стороны. Сделка состоялась, и

рукопись была провезена через границу. Но новичку в литературных делах вскоре вскружили голову. Appetit вырос. Появился Ржевский, предлагавший бывшему иеромонаху от имени Хвостова² будто бы 100–200 тыс. руб., затем экспедиция Форда со своими 8000 долларами, наконец, услужливые американские пресс-агенты и пр. Далее шли повествования об «американских неудачах», об одновременной продаже монахом с бурнопламенным темпераментом нескольким американским фирмам своей книги, о суде и т. д. Напомним и другое: в июне прошлого года в газете стали появляться сообщения о том, что будто бы Илиодор возбудил ходатайство о возвращении в Россию. В кругах, близких Илиодору, говорили то же самое, т. е. что Илиодор в скором времени возвращается в Россию и примиряется с врагами – Павел снова делается Савлом. Многим эти таинственные намеки казались лживыми наветами, но, как теперь выясняется, при обыске у тибетского врача Бадмаева, одного из тех, кто был в распутинской клике, найдены соответствующие письма Илиодора. Сомнений в личности раскаивающегося грешника, по-видимому, после этого не остается...

Трудно разьяснить пока еще определенно всю эту фантастику. Давали ли Илиодору те сотни тысяч, о которых писали, или это особые приемы саморекламы, повышавшие ценность таинственных материалов и привлекавшие общественное мнение. Американский журнал «The Metropolitan», купивший для печати воспоминания Илиодора и неосведомленный, вероятно, об упомянутых выше литературных спекуляциях, как сообщал корреспондент «Утра России», отказался печатать рукопись, найдя, что «сенсационные разоблачения Илиодора носят слишком голословный характер». Илиодор объяснял отказ интригой русского правительства и сообщал, что представители русской дипломатии и архиепископ Североамериканский и Алеутский предлагали ему 25 тыс. долларов в случае, если он откажется от опубликования материалов. Возможно и то и другое. В записках Илиодора действительно многое носит характер совершенно голословных обвинений – печатая ниже записки, мы считали себя обязанными устранив эту фантастику; многое, отвечающее действительности, должно было показаться фантастическим американцам, недостаточно знакомым с бытовыми русскими условиями и тайнами русского двора. Вне сомнения, опубликование этих записок было крайне нежелательно правительству, почему могло быть принято соответствующее дипломатическое давление. Может быть, Илиодору и давались большие деньги в предположении, что у него находятся оригиналы писем Александры Федоровны к Распутину, чего на самом деле не было. Как бы то ни было, передавая свою рукопись в чужие руки, Илиодор тем самым отрезывал себе путь возвращения в Россию при старом правительстве – скандал получил слишком большую огласку.

Но какую же ценность в таком случае имеет публикуемая у нас рукопись Илиодора. Можно ли доверять тем фактам, о которых в ней повествуется? «Содержание моей книги, – пишет Илиодор в предисловии, – построено на строго проверенных фактических данных». Следует перечисление источников, которые мы и приводим.

«1) Отзывы о «старце» царя Николая, которые я слышал лично, когда, 21 мая в 5 часов вечера 1911 года, представлялся ему.

2) Отзывы о «старце» царицы Александры, которые я слышал лично, когда, 3 апреля 1909 года в 9 часов вечера, представлялся ей.

3) Письмо «старцу» царицы Александры, данное мне «старцем» 8-го декабря 1909 года в селе Покровском.

4) Письма царских детей, великих княжен к «старцу», полученные мною также от Распутина.

5) Письма и отзывы о «старце» великой княгини Милицы Николаевны³.

² Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), министр внутренних дел с сентября 1915 г. по март 1916 г.

³ Милица Николаевна, супруга великого князя Петра Николаевича. Она и ее сестра Анастасия Николаевна – великие княгини (урожд. княжны Черногогорские).

6) Рассказы самого Распутина о себе, о роли, которую он играет при дворе и т. п. (его собственноручные дневники и собрание изречений).

7) Свидетельства Мити блажененького о «старце» со слов придворных чинов – князя Орлова и князя Путятина.

8) Отзывы о «старце» сенатора Мамонтова.

9) Письма о Распутине высоких духовных особ: епископов и архимандритов, письма ко мне и другим лицам.

10) Рассказы их о Распутине.

11) «Житие опытного странника», составленное самим Распутиным и переписанное особю женского пола.

12) Обширнейшие дневники, в 200–250 листов писчей бумаги, генеральши О. В. Лохтиной⁴, чуть ли не первой жертвы «старца», где Лохтина подробно, правдиво и обстоятельно рассказывает о своем знакомстве с Распутиным, о его «деятельности», приводит копии с его бесчисленных писем и телеграмм царям, архиереям и другим важным особам.

В этом пункте необходимо заметить, что одна из тетрадей дневников Лохтиной, так называемая «золотая», как ее именovala сама Лохтина, была, в числе других бумаг, отобрана у меня судебным следователем Корзюковым во время обыска и ареста меня им 26 января 1914 года. После этого я несколько раз обращался к Донской прокуратуре и министру юстиции с требованиями возвратить мне отобранные Корзюковым бумаги. В июне месяце того же года мне бумаги были возвращены, но среди них не оказалось «золотой тетрадки» и пяти-шести подлинных писем Григория Распутина царям. В «золотой тетрадке» были помещены Лохтиною копии писем Распутина царям, писем, относящихся преимущественно к 1912 году, когда я отбывал заключение во Флорищевой пустыне и когда Распутин, по тактическим соображениям, более сидел в Покровском, преподавая царям «нужные» советы письменно. Однако жалеть об удержанной услужливыми Распутину вельможами судебного ведомства тетрадке особенно не приходится, так как содержанием ее я все-таки пользоваться, при написании этой книги, могу. Дело в том, что, еще до отобрания тетрадки, одно лицо, близкое мне по родству, выписало из нее для себя на память копии писем Распутина; вот эта-то счастливая случайность и дает мне возможность познакомить читателя и с тем, что у меня отобрано гг. прокурорами.

13) Свидетельство о Распутине писателей, журналистов, министров, чиновников и других лиц.

14) Копии и подлинники писем и телеграмм Распутина, которые он посылал царям, высоким особам и мне, как своему бывшему другу.

15) Словесные и письменно изложенные рассказы на исповеди у священников и вне ее о художествах «старца» Распутина особ женского пола, пострадавших от «старца», раскаявшихся в своих грехопадениях с ним и отказавшихся от него.

16) Все то, что я сам видел в деятельности Распутина при свидетелях и, в силу некоторых обстоятельств, с которыми я ниже познакомлю читателя, без свидетелей».

Таковы материалы, на основании которых написана книга Илиодора. Одна группа носит определенно субъективный характер и, конечно, требует осторожного к себе отношения. Тон записок Илиодора производит нехорошее впечатление: дело не в запальчивости и естественном возмущении, хотя и запоздалом для автора, а в том явном стремлении обелить себя, представить себя каким-то наивным простачком, у которого упала вдруг пелена с глаз. Быть может, автор и пристрастен в передаче своих впечатлений и интимных бесед, но, тем не менее, рассказанное им следует отнести к числу несомненных фактов, так как оно легко может быть сопоставлено и проверено многочисленными другими свидетельствами. Другая группа материалов

⁴ Лохтина Ольга Владимировна, жена действительного статского советника. После знакомства с Распутиным коренным образом изменила свою жизнь, что нашло отражение во множестве мемуарных источников.

носит характер документальный, и нам пришлось видеть оригиналы многих писем, направленных к Распутину, копии которых сняты лицом, заслуживающим наибольшего общественного доверия. Таким образом, это факт. Значительную ценность имеют дневники генеральши Лохтиной. «Святая мать Ольга» истеричка, женщина, несомненно больная, фанатичка, слепая поклонница того проходимца, который среди других появился при царском дворе, а потом столь же восторженная поклонница Илиодора, она снимала копии с писем и с документов, как с реликвий, не мудрствуя лукаво и не думая, конечно, что это сможет быть достоянием общественным. Откидывая кликушеские выходки, многочисленные выдумки, на которые способны едва ли не все истерички, вы найдете как бы повседневную запись бесхитростного бытоописания. Это документ первостепенного значения для ума незаряженного, документ исторический, который мы помещаем с полным сознанием исторической правдивости.

Во избежание недоразумений и упреков, мы считаем своим долгом дать это предупреждение, прежде чем читатель приступит к ознакомлению с воспоминаниями Илиодора. Мы их печатаем с сокращением, отчасти устраняя некоторые действительно фантастические утверждения Илиодора, отчасти избегая тех скабрёзных деталей, которые любит Илиодор в описании того, как Распутин на практике осуществлял свою идею «изгнания блудного беса». Мы знаем, что в его воспоминаниях, тем не менее, осталось многое из того, что в сущности впервые появляется на страницах нашего журнала и, вероятно, никогда больше не появится. Но ведь Распутин, если и не сам лично, – явление действительно исключительное, показывающее, до какого разложения дошли правившие в России круги. Без подробностей, иногда режущих глаз и ухо, нельзя охарактеризовать в достаточной мере это отвратительное и разлагающее действовавшее на все явление. Старый режим отжил – отжил навсегда. Но наша обязанность показать весь его маразм тем, которые служили ему и, быть может, подчинились новому строю лишь по принуждению или необходимости. А разве таких мало? Излишнее благодушие и сентиментальность не подходят для того боевого момента, который, вероятно, продолжится еще долго. Едва ли иссякли те реакционные силы, которые десятилетиями поддерживали старый порядок.

Публикуя записки Илиодора, мы не считали нужным скрывать имена и фамилии тех лиц, которые и составляли темные силы, питавшие распутинство в правительственных кругах. Они принесли слишком много зла России. Только там, где дело касалось интимных отношений, мы ограничились инициалами – ведь здесь были подчас бессознательные жертвы распутинских страстей, жертвы истерии и психоза. Нам важно общественное значение факта, а не интимная область переживаний отдельных личностей.

Записки Илиодора не объясняют нам причин влияния Распутина.

В одной из ближайших книг «Голоса минувшего», на основании уже опубликованных данных, а также и тех новых материалов, которые имеются в нашем распоряжении, мы постараемся дать статью более или менее объясняющую то психопатологическое явление, какое представляли собой Распутин, его поклонницы и поклонники. Большое заблуждение связывать имя Распутина с какими-либо проявлениями сектантства. В сущности, объяснение этому патологическому явлению дать не трудно. Ведь у Распутина в истории было немало предшественников. Религиозное ханжество, половая неудовлетворенность на почве истерии, больной самогипноз, развращенность, требующая изысканного сладострастия, развращенность рабского прислужничества приверженцев старого режима – вот почва, на которой культивировалось небывалое в истории по своему размаху «старческое» влияние. У Распутина, по-видимому, были и некоторые физиологические особенности, хорошо известные невропатологу и психиатру, способствовавшие воздействию его на ту полуистеричную, полувыродившуюся общественную среду, в которую занес этого необразованного и грубого мужика простой лишь случай. Алкоголик, тип вырождения, сладострастная натура, гипнотически действовавшая на безвольную среду, – Распутин получил исключительное значение, так как по представлению царской

семьи он явился в 1906 г., в первый революционный кризис, как бы спасителем династии: он Бог Саваоф, сошедший на землю именно для этой цели. Он, воплотившийся Бог, ведет за собой народ – это представление, совершенно реальное, вытекающее из виденной нами переписки царской семьи. Путем шантажа, искусственных приемов это представление поддерживалось. Заняв такой необычный пост в иерархии российской бюрократии, тюменский крестьянин скоро потерял почву под ногами и стал переходить пределы возможного. Именно в последние годы, тогда, когда его уже не мог наблюдать Илиодор, началось афиширование того, что прежде позволял себе Распутин только в интимных, быть может, беседах с теми, кого он причислял к своим друзьям.

Вот два документа из архива Московского Охранного Отделения, выдержка из которых была уже опубликована в газетах. Документы чрезвычайно ярко рисуют ту чрезмерную откровенность, которую стал допускать Распутин. 26 марта 1915 г. в ресторане «Яр» Распутин в нетрезвом виде учинил скандал, молва о котором получила «самое широкое распространение. Товарищ министра внутренних дел Джунковский затребовал официальных сведений от «Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве», как официально титуловалась так называемая Охранка. В ответ «совершенно секретно» и «лично» начальник Охранки Мартынов доносит командиру отдельного корпуса жандармов:

I

«По сведениям пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова, 26 марта сего года, около 11 час. вечера, в ресторан «Яр» прибыл известный Григорий Распутин вместе со вдовой потомственного почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости Сезона», потомственного почетного гражданина Семена Лазаревича Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэк-уок». По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии «русскую», а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: «этот кафтан подарила мне «старуха», она его и шила», а после «русской»: – «эх, что бы «сама» сказала, если бы меня сейчас здесь увидела». Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями в роде «люби бескорыстно», – прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечание заведующего хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин, Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10–15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила все прочие расходы по «Яру». Около 2 час. ночи компания разъехалась».

5 июня

II

«В дополнение к докладу моему от 5 июня сего года за № 291834, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что дополнительно собранными секретным путем сведениями выяснилось, при каких условиях происходила поездка в марте сего года известного Григория Распутина в московский ресторан «Яр», о каковой поездке было мною донесено в упомянутом моем докладе.

В кругах московских дельцов средней руки, не брезгующих подчас делами сомнительной чистоты, давно вращается дворянин, занимающийся отчасти литературным трудом, Николай Никитич Соедов.

Названное лицо, прожив давно имевшийся у него когда-то капитал, уже лет 25 живет в Москве без определенных занятий, занимаясь отчасти комиссионерством, отчасти литературой, и имеет знакомство в самых широких слоях Москвы. За это время круг его афер естественно суживался по мере того, как за ним упрочивалась репутация «темненького» человека, живущего подачками, мелкими займами и кое-какими перепадающими доходами, иногда не совсем чистых источников.

Литературный труд Соедова ограничивается уже давно участием в бульварной прессе и помещением изредка статей в «Петроградских Ведомостях» с хроникой из московской жизни; в этих статьях Соедов постоянно не забывал упоминать в самом хвалебном тоне о действиях московской администрации, чем-де стремился быть, как он полагал, полезным и приятным лицом. В этом смысле он неуклонно пользовался каждым случаем, чтобы напомнить о себе бывшему московскому градоначальнику Свиты Его Величества генерал-майору Адрианову.

Будучи весной с. г. в Петрограде, Соедов, рассчитывая на влияние и связи в высших сферах Петрограда Распутина, попал к нему как представитель прессы, познакомился с ним и сумел, видимо, заинтересовать собой последнего.

Во время приезда Распутина в Москву, в марте месяце сего года, Соедов немедленно явился к нему и принялся за проведение через Распутина придуманного им за это время плана принять поставку на интендантство солдатского белья в большом размере.

Соедов, конечно, в этом деле рассчитывал не на непосредственное свое участие, а на комиссионерское и привлечение к этому делу лиц из сравнительно денежной среды, которые бы могли этим делом заработать деньги.

Видимо, еще в Петрограде Соедов заинтересовал Распутина этим делом и обещал ему известный процент с него, если Распутин выполнит, благодаря своим связям, проведение этого дела в интендантстве. Распутин, обещая поддержку, указывал на несомненное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ.

Самая пирушка у «Яра» была как бы некоторой, необходимой в таких случаях, обычной в московских торговых кругах «вспрыской» предположенного дела.

Так как Соедов еще ранее предложил своему хорошему знакомому, также очень известному в московских широких кругах газетному дельцу Кугульскому участие в названном подряде, то он вызвал его к «Яру» на упомянутую пирушку, и Кугульский в счет ожидаемых благ дал известную денежную сумму на устройство кутежа.

У «Яра» компания заняла кабинет, куда были приглашены хористки, причем Распутин вскоре, придя в состояние опьянения, стал вести себя более чем развязно и назвал себя.

Немедленно весть о пребывании Распутина в кабинете у «Яра» и его шумное поведение вызвало огласку в ресторане, причем хозяин ресторана Судаков, желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, кто нарочно себя им назвал.

Когда, однако, это дошло до Распутина, то он же стал доказывать, что он настоящий Распутин и доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым высоким особам».

С. П. Мельгунов

Глава I. Мое знакомство с Распутиным

Слухи о нем. – Встречи с ним. – Первый приезд его в Царицын. – Моя поездка с ним в село Покровское. – Второй приезд Распутина в Царицын. – Третий приезд

В конце 1902 года, в ноябре или декабре месяце, когда я, обучаясь в С.-Петербургской духовной академии, деятельно готовился к принятию ангельского образа – монашества, среди студентов пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской и Тобольской губернии, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник, по имени Григорий.

В религиозных кружках студенческой молодежи, группировавшихся вокруг истинного аскета, тогдашнего инспектора академии – архимандрита Феофана⁵, рассуждения о новоявленном пророке велись на разные лады.

От этих толков о «старце» я оставался в стороне. Мне некогда было ими заниматься и к ним прислушиваться. Отчасти потому, что я, привезши в начале 1902 года из Кронштадта в академию некоего Митю блаженненького, о котором подробная речь будет ниже, на примере этого блаженного уже успел разочароваться в новых юродивых и прозорливых; а главным образом потому, что я тогда самым серьезным образом готовился отречься от мира и вступить на путь самоотверженного служения истине и ближним.

Но были моменты, когда вопрос о «старце» Григории прямо-таки гвоздем становился в моем мозгу.

Особенный интерес к «старцу» возбуждали во мне речи моего духовного отца и приготовителя к монашеской жизни, о. Феофана.

Сидели мы однажды с ним в его покоях, пили чай и вели душеспасительную беседу. Не знаю в связи с чем, о. Феофан, во время беседы заговорил о Божьем человеке – Григории.

– Да, – говорил он, – есть еще Божьи люди на свете. Не оскудела Русская земля преподобными. Посылает Господь утешенье людям своим, время от времени воздвигая им праведных мужей... Вот ими-то и держится еще Святая Русь.

Я, вообще с жадностью ловивший каждое слово своего учителя – Феофана, помню, особенно насторожился, когда он начал речь о современных праведных людях.

Он продолжал:

– И вот теперь такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий. Старший из них – Григорий, а два первых – его ученики, еще не достигшие высокой ступени нравственного усовершенствования. Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю; потом Григорий встал из-за стола, помолился и твердо произнес: «Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя»... Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года с месяцами! Господи! Господи! – глубоко вздохнувши, заключил о. Феофан.

Я был в умилении от его слов. Душа моя загорелась желанием видеть этого божественного «старца» и показать ему все свое гадкое и хорошее нутро.

Не вытерпел я и спросил своего отца:

– А не придет ли сюда этот «старец»?

⁵ Архиепископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1872–1940) – епископ Русской Православной Церкви за границей; с 1908 г. исполнял обязанности ректора С.-Петербургской духовной академии; с 1909 г. – епископ Ямбургский. В течение двух лет был царским духовником. После неудач антираспутинской кампании с ноября 1910 г. удален из академии и назначен епископом Таврическим; с 1912 г. переведен в Астраханскую епархию; с 1913 г. – в Полтавскую.

– Придет, придет! Один архимандрит обещал его привезти. Мы его ждем...

Дни шли за днями. Я готовился к своему делу и почти ничего не слышал, что говорили о «старце».

В великом посту 1903 года из Сибири в академию приехал начальник корейской духовной миссии – архимандрит Хрисанф Щетковский (умерший года через три после этого епископом Елисаветградским). По всем академическим углам заговорили, что архимандрит этот привез в Петербург великого «старца» Григория, что Григорий был уже у ректора академии – еп. Сергия Страгородского, некоторые студенты видели его, получили предсказания и т. д.

Прошло порядочно времени, а я «старца» видеть не удостоился. Опять начинал успокаиваться на чувстве своего недостойнства, отдаваясь всецело благочестивым размышлениям об иноческой жизни, а новые разговоры и вести о «старце», как надоедливые осы, не давали мне возможности не отвлекаться от того дела, к которому готовился.

Иные говорили, что «старца» Григория трудно видеть, что он бывает только у ректора и что с ним они ездят во дворец.

Что ни день, то слухи о славе, величии «старца» все более и более увеличивались.

При своем маленьком положении и сознании своего недостойнства, я рассудил, что мне не видать блаженного пророка, как ушей своих.

В конце 1903 года, 29 ноября, я принял монашество. Из Сергия меня обратили в Илиодора. 16 декабря этого же года я, как новоиспеченный инок, шел по темному академическому коридору, со взорами, опущенными книзу, согласно учению св. отцов.

Вдруг меня кто-то деликатно, едва слышно, потрепал за плечо. Я поднял взор свой и увидел о. Феофана и какого-то неприятно склабившегося мужика.

– Вот и отец Григорий из Сибири! – застенчиво сказал Феофан, указывая на мужика, перебиравшего в это время своими ногами, как будто готовившегося пойти танцевать в галоп.

– А-а-а... – смущенно протянул я, подал мужику руку и начал с ним целоваться.

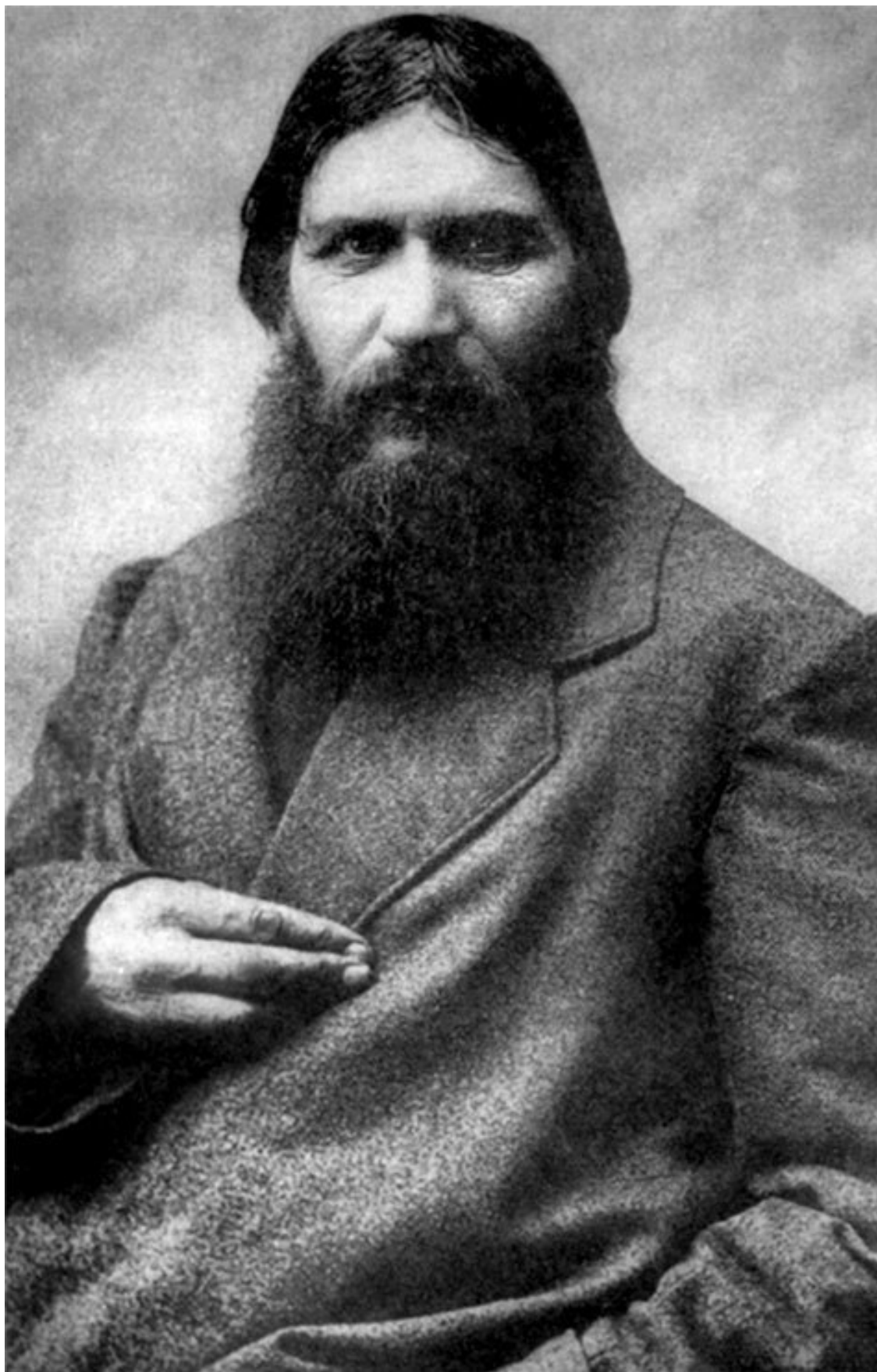
Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздуты, как у нищего, кидающего туда всякое съедобное подавание; брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своею широкою отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем; особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове «старца» были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у «старца» были корявы и нечисты; под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры «старца» несло неопределенным нехорошим духом.

Григорий, поцеловавши меня, упорно и продолжительно посмотрел своими круглыми, неприятно серыми глазами мне в лицо, потом зашлепал своими толстыми, синими, чувственными губами, на которых усы торчали, как две ветхих щетки, потрепал меня по плечу одной рукою, держа пальцы другой около рта, и, обращаясь к Феофану, с какой-то заискивающей, лукавою, неестественною, противною улыбкою, сказал про меня:

– А он ведь круто молится, о, как круто.

Не понимая, что значит «круто», я поклонился. Феофан взял под руку «старца»; они пошли в покои инспектора, а я, пораженный неожиданной встречей со знаменитым пророком, немало растерялся и отправился в свою убогую келью.

Так состоялось мое знакомство со «старцем» Распутиним. И не знал я тогда, встретившись с ним, что это знакомство ровно через восемь лет, то есть 16 декабря 1911 года, будет для меня роковым, перевернет всю мою жизнь, выбросит за борт того корабля (монашеская жизнь), на который я только что, пред знакомством, сел...

Гришка Распутин

Наступил 1904 год. В январе месяце приехал в Петербург, по делам, Антоний, епископ Волынский. Так как он считался большим другом и покровителем ученого монашества, то меня, как молодого монаха, еще не знакомого с важным епископом, повели в лавру, в покои, в гости к Антонию. Здесь я увидел большую компанию разных по положению и занятиям людей. Все они с большим вниманием слушали, что говорил Антоний. Зашла речь о Григории Распутине. Много о нем говорили. . . Антоний сказал: «Не верьте ему, он – обманщик; он в Казани на бабе ездил; такой человек не может быть праведником». Тогда я не поверил Антонию, потому что, по слухам, знал его как человека, всегда занимающегося рассказами о разных скабрёзностях, доходящего в этих рассказах до чудовищных преувеличений. А так как фигура старца к тому времени как-то потускнела в моем воображении, то я просто мало интересовался ею: говорили ли о нем хорошее, говорили ли дурное – мне было все равно.

На Пасху 1905 года я, будучи уже на последнем курсе академии, пришел в гости к инспектору Феофану. На конторке, где Феофан имел обыкновение стоя писать, я увидел довольно прекрасной работы дорогую икону «Воскресение Христово». Феофан, указывая на икону, сказал:

– Вот эту икону мне сейчас прислала великая княгиня Милица Николаевна с мужем Петром Николаевичем. Я сегодня был у них со старцем Григорием. . .

Я насторожился слушать, что скажет дальше Феофан о старце, так как, признаться, давно уже о нем ничего не слышал.

Сели пить чай. Феофан охотно продолжал:

– Много раз бывали мы со старцем и у государя, а особенно у государыни. Вот Божий человек! И говорит-то не так, как мы грешные. Было раз так. Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло? Здесь али тут?» – при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь, сердце забилося!» – «То-то же, – продолжал старец, – коли что будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума». . . Государь сказал: «Хорошо», – а государыня, поцеловав его руку, произнесла: «Спасибо, спасибо, учитель».

В начале февраля 1907 года я привел в Петербург 9 крестьян – членов Государственной Думы от Волынской губернии.

Совершенно случайно остановился на квартире у председателя Союза русского народа – врача Дубровина. Здесь я встретил племянника жены Дубровина – молодого поручика И. . . Полюбили мы скоро друг друга, и он мне много рассказывал об ужасах японской войны, где на передовых позициях он был ранен в ногу. Закончил лечение раны в царскосельском госпитале, куда, по его словам, часто приезжала государыня Александра; особенное внимание обратила на него, и когда он выписывался из госпиталя, то она дала ему даже право время от времени представляться ей.

– Баба хорошая, – говорил поручик, – только вот при дворе завелся какой-то черт Распутин; взял чрез жену офицера Вырубову⁶ в свои руки государыню, отбил от нее царя, так что государь только и знает что в шахматы играет да красное вино пьет, а Александра с Распутиным возится. Императорские царскосельские стрелки собираются застрелить и Вырубову, и Григория Распутина.

На мой вопрос: «Откуда вы все это знаете?» – поручик кратко ответил: «Офицеры в госпитале только об этом и говорили».

⁶ Вырубова Анна Александровна (1884–1964), дочь А. С. Танеева, обер-гофмейстера и главноуправляющего канцелярией императора Николая II, фрейлина (с 1904), ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны.

В последних числах февраля 1908 года я, переведенный из Волынской епархии на службу в Саратовскую, поехал с Волыни на новое место службы. Счел нужным заехать в Петербург, где в это время на Ярославском подворье, в качестве члена Синода, проживал мой новый начальник – епископ Саратовский Гермоген.

Гермоген поместил меня, как редкого гостя, в большой комнате рядом со своим кабинетом.

И вот я здесь однажды услышал и увидел следующее. В один прекрасный день приехали к Гермогену инспектор духовной академии, уже известный читателю, Феофан и приват-доцент академии – иеромонах Вениамин. Все они сели в кабинете, повели речь об автономии духовной академии, тогда большими усилиями профессоров проводившейся в жизнь.

Дверь из моей комнаты была открыта, и мне было все слышно, что говорили в кабинете.

Немного поговорили, как кто-то вбежал к ним, скоро семеня ногами. Вбежал и так же торопливо заговорил: «Ну, што? Пошто меня вызывали? Вот я!» – Собеседники сначала задвигались; как я понял, значит, здоровались с кем-то вошедшим; потом Вениамин сказал: «Да вот, дорогой друг, мы приготовили важный доклад об уничтожении зародившейся автономии духовных академий... Надо тебе ехать с ним к царю». – «Хорошо, вот хорошо, а я туда-то и направляюсь. Звали по важному делу, да звали. А поди-ка, скажи мне, што такое за штука – эта автономея?»

Вениамин начал объяснять.

Его перебил вошедший: «А слухай-ка, эта самая автономея не Антония Волынского выдумка?⁷ О, какая ерунда! Прочь ее, не надо!»

Вениамин объяснил, что *автономия* – слово иностранное.

– Фу, гадость, вот гадость! – возмутился вошедший. Тут все, друг друга перебивая и не слушая, заговорили, что автономия, действительно, гадость.

Я, слыша весь разговор в открытые двери, не вытерпел, чтобы не посмотреть, кого же три друга посылали к государю уничтожить автономию и что это за уничтожитель, не умеющий назвать предмета правильно.

Посмотрел и увидел... Григория Распутина.

Троица степенно сидела около большого письменного стола; Вениамин держал в руках какую-то бумагу, а Григорий, которого я не видел уже четыре года, стоял около них, нетерпеливо перебирал ногами, как молодой, застоявшийся лошак, тыкал грязным указательным пальцем правой руки себе в зубы и все повторял: «Ну скорей, скорей давайте, а то меня уж там давно ждут. Пора ехать!»

На Григории в этот раз была хорошая черная суконная русская поддевка и прекрасные лакированные сапоги бутылками. Борода его уже была похожа на бороду, а волосы на голове, сзади хорошо подстриженные, спереди рассыпались во все стороны правильным веером. Видно было, что на Григории начинал сказываться придворный дух...

В марте месяце 1909 года меня Синод, по настоянию графа Татищева, Саратовского губернатора, и премьер-министра Столыпина, с соизволения государя, за обличение правительства в неправде перевел из Царицына в Минск, в архиерейский дом. Я поехал не в Минск, а в Петербург, к еп. Феофану, уже ректору академии, с просьбой хлопотать пред царем об оставлении меня в Царицыне.

Приехал утром в Великую Субботу. Объяснил Феофану, в чем дело.

Феофан отказался хлопотать на том основании, что часто обращаться с просьбами к царям опасно, так как та дверь, лазейка, куда он приходит к ним, может в конце концов закрыться, «могут на нее замочек навесить».

Получив такой ответ, я приуныл. Сидел за столом и думал, что же делать.

⁷ Распутин, как я узнал после, не любил еп. Антония за его лукавый нрав.

Феофан сидел против меня и тоже молчал, как бы тяготясь моим присутствием. В передней послышался звонок. Кто-то пришел.

Не прошло и одной минуты, как в столовую, где мы сидели, не вошел, а прямо-таки вскочил человек, вскочил с какими-то странными кривляниями и прыжками; казалось, что то был не живой человек, а игрушечный, который в одно и то же время начинает дрыгать и ногами, и руками, и головой, когда дернешь за ниточку, соединенную со всеми частями его фигуры. Человек тот был одет роскошно: на нем была малинового атласа русская сорочка; подпоясан был поясом с большими шелковыми кистями; брюки из дорогого черного сукна сидели на ногах в обтяжку, как у военных; дорогие лакированные сапоги бросались в глаза своим блеском и чистотою. Человек тот поздоровался сначала с Феофаном, потом, обратившись ко мне, начал целовать меня, приговаривая: «Ну, здорово, голубчик; не горюй, все будет хорошо!..»

Это был Григорий Распутин. Он, по-видимому, уже знал, что я переведен в Минск, что не хочу туда ехать, что приехал в Петербург хлопотать.

Григорий сел рядом со мною, против Феофана.

Феофан смотрел прямо на Григория, Григорий – на него, но оба ничего не говорили.

Чувствовалась какая-то неловкость, неестественность. Мне казалось, что между ними возникла какая-то неприятность, о которой они друг другу стеснялись говорить...

Впоследствии я уже узнал, что в это время между Феофаном и Григорием произошел крупный разлад из-за «старческой» деятельности последнего, усердно снимавшего с женщин и невинных девушек блудные страсти. Феофан узнал об этом на исповеди от жертв Распутина и предложил Григорию бросить заниматься такими гнусными делами. Григорий противился, и между ними завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Вот я и попал среди них как раз в то время, когда они очень и очень косо смотрели друг на друга, но внешних сношений не порывали, надеясь как-нибудь сговориться и по-прежнему бывать у царей.

Заметив, что Феофан не желает с ним и разговаривать, Распутин обратился ко мне, потрепал меня за плечо и спросил: «Ну, что, дружок, голову-то повесил? А? В Царицын, небось, хочешь?»

– Хочу, очень хочу, – ответил я. – Как же, ведь там большое дело, там жизнь моя; ведь я ни к чему больше не стремлюсь, как только дела делать. Что же я сделаю, если меня, как собаку, будут гонять с одного места на другое...

Феофан воспользовался моментом и быстро-быстро куда-то скрылся.

Мы остались с Григорием вдвоем.

Григорий продолжал: «Хорошо, хорошо, голубчик! Ты будешь в Царицыне...»

– Когда? Быть может, лет через десять, когда мое святое дело там порастет бурьяном и колюкой?

– Нет, нет; ты будешь скоро, дня через три поедешь отсюда, но не в Минск, а к себе, домой.

– Как так? Мне обер-прокурор сказал, что возврата к прежнему нет, так как государь уже два раза, по докладу Столыпина, подписался об удалении меня из Царицына.

– Два раза, два раза?! Это для них много, а для меня ничто. Будешь в Царицыне, понимаешь? Ну, не беспокойся напрасно и помни Григория. Потом вот еще что знай: нельзя теперь так царей и правительство избаловать, как это делал, к примеру сказать, Филипп Московский; теперь, дружок, времена не те.

Говоря это, Распутин как бы отвечал на мою проповедь, сказанную в Царицыне в Вербное Воскресение: я тогда говорил о том, что долг священников всех обличать в грехах, всех, какое бы они высокое положение на земле ни занимали...

Естественно, что я был удивлен и недоумевал, почему это Распутин говорил как бы против моей проповеди. «Он, должно быть, действительно, муж прозорливый», – подумал я.

Григорий встал, чтобы уходить.

Я тоже встал и отвесил ему поясной поклон.

Если бы в это время кто хотя бы нарочно намекнул мне поклониться Григорию в ноги и поцеловать их, то я бы, не задумываясь, сделал это, так как чувствовал, что он возвращает меня к жизни, оказывая благодеяние лично мне, делу святому, над которым я трудился в Царицыне.

Во время пасхальной заутрени в академическом храме Григорий подошел ко мне в алтарь, похристосовался и сказал:

Императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатрис Гессен-Дармштадтская)

– Завтра получишь из Царского Села письмо. Когда будешь представляться царице, то ты ей и Вырубовой скажи проповедь, чтоб они не убежали от заутрени, а стояли и обедни. Только ты не строго говори и не громко, а то они испугаются. Здесь в храме сейчас есть придворные. Я их привез посмотреть, как служит Феофан.

На второй день Пасхи я, узнавши, что Распутин находится в покоях архиепископа финляндского Сергия, позвонил по телефону, сгорая нетерпением узнать, как же идут дела насчет моего возвращения в Царицын. По телефону говорил сам Сергий. На мой вопрос: «Можно ли видеть Григория Ефимовича?» – он ответил: «Они почивают». Эти слова меня немало озадачили. «Вот штука, так штука – Распутин; такие важные сановники, как Сергий, выражаются о нем с таким почтением: «Они почивают!» – думал я.

В тот же день после обедни в квартиру еп. Феофана генеральша Лохтина принесла мне письмо из Царского.

На третий день Пасхи в 9 часов вечера я в Царском Селе, в доме № 2 по Церковной улице, имел, в присутствии А. Вырубовой, продолжительную беседу с государыней Александрой.

Она приехала... Высокая, вертлявая, с какими-то неестественно-вычурными ужимками и прыжками, совсем не гармонировавшая с моим представлением о русских царицах как о важных, степенных, осанистых, величественных особах, она поцеловала мою руку. Потом моментально села в кресло и с грубым немецким акцентом заговорила: «Вы из Петербурга приехали?»

Эти слова были сказаны так неправильно, что я не понял их и вместо ответа вытаращил на Александру глаза. Произошла крайне тяжелая и неприятная пауза. Из беды выручила Вырубова. Она передала мне вопрос царицы на чистом русском выговоре.

Государыня тогда засыпала, как горохом, или лучше сказать маком: «Вас отец Григорий прислал? Да? Вы привезли мне расписку по его приказанию, что вы не будете трогать наше правительство... Вот вы обругали во время службы, литургии, Саратовского губернатора Татищева. Назвали его татаринном и что ему не достает только татарской чалмы...»

Я рискнул было оправдываться, возражая Александре, что она введена в заблуждение, что я никогда в присутствии Татищева не служил ни литургии, ни вообще никакой церковной службы; руководимый дружественными к Гермогену чувствами, умалчивал о том, что епископ Гермоген за литургией 5 декабря, в день именин наследника, действительно обличал «язычествовавшего» в своих отношениях к православию графа, но скоро увидел, что говорить Александре слова оправдания все равно что кричать покойнику в ухо; увидел и, конечно, замолчал, а она, поистине, тарабарским языком продолжала читать мне нотацию: «Да, да, вот, вот... Так как нельзя губернаторов бранить. Давайте сюда расписку, что вы этого никогда не будете делать. Да смотрите, слово отца Григория, нашего общего отца, спасителя, заставника, величайшего современного подвижника, соблюдайте, соблюдайте... Он сам хотел здесь быть, но до сих пор нет, а мне некогда его дожидаться. Ну, да ладно. Я его завтра буду видеть... Скажу ему, что я вам говорила... А вы его, наставника и учителя, слушайтесь во всем, во всем...»

Во время этого «поучения» я не помню, как я себя чувствовал; не отдавая себе отчета, смотрел на государыню... Опомился только тогда, когда она также вертляво и подвижно, как и вначале, подскочила ко мне, поцеловала мою руку и сказала: «Ну, до свидания», – и быстро-быстро ушла из гостиной, шурша длинным, очень длинным хвостом шелкового платья светлого цвета.

На четвертый день Пасхи ко мне в академию явился Григорий и предложил поехать с ним на могилку Иоанна Кронштадтского. Я согласился. Когда мы с ним шли по Лаврскому парку, то Григорий не пропустил ни одной дамы, чтобы не пронизать ее своим упорным, настойчивым

взглядом. Когда с нами поравнялась какая-то довольно красивая женщина, Григорий сказал: «Вот баба, так баба, должно, к какому-либо монаху идет на постельку». Я, слушая его неприличные речи, молчал; у меня тогда и вопроса в мозгу не поднималось о том, к лицу или не к лицу такие речи Божьему «старцу»; весь я был тогда поглощен глубоким почтением к своему, чуть не с неба свалившемуся благодетелю.

Когда были уже на обратном пути, Григорий вдруг спросил меня:

– Слушай-ка, дружок, а ты у графини Игнатьевой бываешь?

– Раз как-то был. Она каждый раз, как я приезжаю по делам в Петербург, приглашает меня к себе; я обещаюсь быть, но не бываю, потому что там нечего делать, там одно ханжество.

– Вот, вот, верно, брат! Вздорная баба – эта графиня: она раз написала царице письмо о том, что нужно делать, чтобы поднять нравственность в русском народе... А государыня прочла это письмо мне и говорит: «Вот дура-то, нашла кому писать; как будто я сама не знаю!» И вообще государыня Игнатьеву очень не любит за то, что она слишком много знает... А все-таки заедем-ка к ней; ведь я ее ни разу не видел.

– Заедем, если ты желаешь.

Заехали.

Графиня была дома. Встретила нас очень любезно. Я представил ей Распутина, сказавши: «Вот – мой друг!»

Графиня с недоумением посмотрела на Распутина, так, что как будто на губах ее застыл какой-то невысказанный вопрос, – процедила сквозь зубы: «Очень приятно», – и предложила нам сесть.

Мы сели. Я сел рядом с Игнатьевой, а Григорий против нас.

После минутного молчания графиня начала говорить:

– Пожаловали к нам в Питер?! Хорошо. Едете в Минск?

– Нет, в Саратов.

– Как в Саратов? Ведь вас же Синод перевел в Минск. И я вам здесь услугу оказала; когда, по настоянию Столыпина, подняли вопрос о переводе вас, то не знали: куда, так как все архиереи вас, как человека беспокойного, боялись брать. Тогда я и М. М. Булгак упростили еп. Михаила Минского взять вас к себе...

– Ваша услуга принесла мне много горя. Если бы вы не хлопотали, то Синод, в силу необходимости, так как меня некуда бы было деть, оставил бы в Царицыне, откуда я сам не хочу идти до самой смерти...

Графиня очень сконфузилась, но потом скоро оправилась и продолжала:

– Да, вот как? А мы думали, что вам добро сделали...

– Не хочу я этого добра!

– Да, но вы же должны ехать в Минск.

– Не поеду я в Минск!

– Но ведь Синод постановил!

– И пусть себе постановил.

– И государь дважды подписывался.

– Хорошо.

– Езжайте в Минск, послушайте Синода. Ведь знаете, что такое Синод?..

– Не знаю и знать не хочу Синода, заносящего хвост насильнику Столыпину!

Тут в разговор вмешался Распутин. Он дрожал, как в лихорадке, пальцы и губы тряслись, лицо сделалось бледным, а нос даже каким-то прозрачным; задвигавшись в кресле, он приблизил свое лицо к лицу графини, поднес свой указательный палец к самому ее носу и, грозя пальцем, отрывисто, с большим волнением заговорил:

– Я тебе говорю, цыть! Я, Григорий, тебе говорю, что он будет в Царицыне! Понимаешь? Много на себя не бери, ведь все же ты баба!..

Графиня от этих слов «старца» совершенно опешила. А Григорий, поднявшись с кресла, дернул меня за рукав рясы и сказал:

– Гайда! Домой!

Я поднялся и направился за Григорием к выходу, на пути скоро прощаясь с крайне смущенной графиней С. С. Игнатьевой.

По пути от Игнатьевой к лавре, на какой-то улице, из одного большого дома вышел почтенный генерал в военной форме. Увидя его, Распутин стал прятаться за меня и просить: «Схорони, схорони, пожалуйста, меня от этого генерала». Я начал загораживать его, но не успел: генерал уже поравнялся с нами, увидел Распутина и с большим почтением сделал под козырек, Распутин снял шляпу и как-то конфузливо замотал генералу головой...

Через полминуты я спросил:

– Кто это такой?

Распутин махнул недовольно рукой и проговорил:

– Э-э, это управляющий двором великого кн. Петра Николаевича.

– Почему же от него тебе хорониться надо? Какое зло что ли он тебе сделал?

– Нет, да так, там вышло дело...

Какое именно дело, Распутин не объяснил, но видно было, что дело плохое, и свидетелем, по всей вероятности невольным, этого дела был встретившийся генерал.

А дело-то, как я после узнал, заключалось в следующем: Милица Николаевна, узнавши о старческих художествах Распутина, выгнала его из своего дворца. Это и генерал знал, но, сознавая силу Распутина при дворе, по-прежнему отвечивал ему поклоны и отдавал честь.

В этот же день вечером Григорий затащил меня к присяжному поверенному С. Пришли. Он спросил жену С. Сказали, что она, по всей вероятности, у начальника переселенческого управления. Пошли к Г. С. была там. Боевая и красивая, С. не долго была вместе: ее скоро куда-то увез Григорий, а я остался, продолжая вести беседу с Г. о том, кто лучше: православные священники или католические ксендзы. Ждал Григория, так и не дождался: он «приятно» проводил время с С...

На пятый день Пасхи я был в доме генерала Лохтина, где Распутин останавливался на квартире.

Не веря всему совершающемуся, я спросил здесь Распутина:

– Да правда ли, что я возвращаюсь в Царицын?

– Вот чудак! – ответил Григорий.

А присутствовавшая здесь же О. В. Лохтина укоризненно покачала головой и прибавила:

– Какой вы маловерный, если о. Григорий раз сказал, что «да», то, значит, нечего об этом больше и вопроса поднимать.

Вечером этого же дня я уезжал с Николаевского вокзала в Саратов. Григорий пришел провожать меня. Все время утешал меня, приговаривая:

– Дело все сделано; тебя никто из Царицына не возьмет. Езжай, утешай своих детей. Помни Григория. Правительство не ругай, а жидов и люцинеров...

В сентябре месяце 1909 года я, будучи в Царицыне, получил от Гермогена из Саратова письмо с просьбой ехать к нему повидаться с дорогим другом Григорием Ефимовичем. Я поехал. Распутина еще не было в Саратове. Он прислал из Казани телеграмму, что скоро приедет. Через два дня он приехал. Встретил я его около ворот архиерейского дома. Одет он был щеголевато: было на нем дорогое осеннее пальто и мягкая шляпа. Как только он вошел в дом, то сейчас же сказал:

– Вот, брат, штука; как меня-то жандармы поддели. В Камышловое, как только поезд остановился, так сейчас меня разбудили и повели в жандармскую. Офицер спросил паспорт. Я показал. Меня отпустили. А смеху-то было. Люди думали, что я какой разбойник. Это все – козни Столыпина. Был друг, а вот я его поддел из-за тебя, а он и обозлился. Ну-ка садись,

пиши телеграмму тому офицеру. Пиши, что, дескать, я, Григорий Распутин-Новый, сижу сейчас в покоях епископа Гермогена и спрашиваю его: какое он имел право тревожить меня в Камышлове...

Все это Распутин говорил, сильно волнуясь. Видно было, что его, придворного «пророка», слишком задела придирка самого обыкновенного жандармского офицера.

Я написал телеграмму в таком духе, как говорил Григорий.

Распутин взял телеграмму и сам побежал сдавать ее. Вскоре приехали Лохтина, Лена и Митя. Я с Распутиным встретил их на вокзале. Девушка Лена, о которой мне часто говорил Распутин, была молода, красива, но во всем ее поведении заметна была какая-то пришибленность. Казалось, что ее насильно держат Лохтина и Распутин около себя, что на душе у нее есть какое-то большое, никому не высказанное горе, что она следует в этой компании в силу какой-то страшной, роковой необходимости.

Вопрос о странном поведении Лены для меня разрешился далеко после, но в данный момент я все ее странности приписал просто ее природной застенчивости.

Все мы явились к Гермогену. Беседовали. Обедали вместе. Во время разговоров и обеда О. В. Лохтина только и знала, что прикладывалась к ручке о. Григория. Как только Григорий скажет какое-либо слово, так Лохтина лезла целовать его грязную руку; то же делать она заставляла и Лену. Лена целовала, но как-то нехотя. Мы с Гермогеном, видя это, переглядывались, и я думал: «Вот какой почет старцу. Видно, заслужил!»

Григорий, поместивши женский пол в доме эконома, и сам оттуда почти не уходил.

День-два спустя я собрался ехать в Царицын. Григорий меня удерживал, а потом отпустил, пообещав осенью, в ноябре месяце, приехать с Гермогеном ко мне в гости. Я поехал с мыслями, как я буду скоро с народом встречать своего друга и великого благодетеля. Незаметно подошел и ноябрь.

Распутин, епископ Гермоген и иеромонах Илиодор

Я начал готовиться к приему гостей. Кое-что народу сказал о старце, сильном у высоких людей и возвратившем меня из Минска в Царицын.

Все были заинтересованы личностью Распутина.

19 ноября 1909 года, в полдень, приехал в Царицын Гермоген и привез с собой Григория. Остановились они в доме купчихи Таракановой, потом приехали в монастырский храм, где, по случаю дня моего ангела, шла служба.

Гермогена и Распутина встретили торжественно. Гермоген взошел на амвон и обратился к народу со словом, а Григорий в это время стоял среди народа на женской половине.

Никогда ни прежде, ни после он не был для меня так противен, как в этот раз. Я стоял около Гермогена, смотрел на Григория и готов был рвать на себе волосы за те чувства, которые возбуждал во мне Григорий своим видом: а вид его был до крайности отвратителен. Одет он был в черный крашенный овчинный полушубок, руки его от краски были черны, грязны, как у кочегара, лицо неприятное, изможденное, взгляд холодный, скользкий, нечистый. Он стоял выше других, как-то неестественно вытянулся, положил свои грязные руки на головы впереди стоящих женщин, голову свою высоко задрал, так что борода стала почти перпендикулярно к лицу в его естественном положении, а мутными глазами он водил во все стороны, и, казалось, своим взглядом он выговаривал: «Что вы слушаете Гермогена, епископа; вот посмотрите на

грязного мужичка: он ваш благодетель; он возвратил вам батюшку; он может миловать и карать ваших духовных отцов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.